

Норман Джесси

17.12.03.

Кармен из Гарлема и Гершвин во французском духе

Гала-концерт с Джесси Норман в Доме музыки

Дж. Норман

Пятый концерт спиваковского фестиваля, прошедший 8 декабря в Доме музыки, носил приставку "гала", что, как известно, означает: торжественный или праздничный. Это было последнее из фестивальных выступлений Джесси Норман. К сожалению, многим данный вечер запомнится не в последнюю очередь топорной работой звукооператоров да еще мрачным лицом персонального охранника Норман, весь концерт восседавшего у под-

ножия сцены спиной к дирижерскому пульту, бурная взглядом публике, очевидно, в поисках потенциальных террористов (в Большом зале консерватории без подобных демонстраций, слава Богу, как-то обошлись).

Звукооператоры, похоже, действовали исключительно по принципу: включить – выключить, а все прочее, всякие там оттенки и градации – от лукавого. Поэтому первые номера программы публике пришлось слушать через нивелирующие все и вся динамики. Затем их отключили вовсе, а между тем в заключительной части концерта, когда Норман исполняла песни Гершвина со столь тонкой нюансировкой, что ее голос подчас просто не долетал до зала, подзвучка ой как не помешала бы. Кстати, ситуация эта еще и наглядно продемонстрировала, что акустические проблемы Дома музыки по-прежнему стоят достаточно остро.

Гала-концерт, помимо всего прочего, подразумевает и предельно популярную, чтобы не сказать шлягерную, программу, и с этой стороны все соответствовало законам жанра, кроме разве что "Паваны" Габриэля Форе, являющейся отнюдь не дежурным и куда более изысканным блюдом, нежели ку-

сочки из "Кармен" или ария Далилы, не говоря уже про Гершвина.

В качестве перехода от французской части программы к американской, то есть конкретно к Гершвину, Владимир Спиваков избрал его симфоническую сюиту "Американец в Париже". Надо заметить, у этого вечера была чрезвычайно любопытная особенность: и Спиваков, и Норман на протяжении программы не раз демонстрировали некую тенденцию, в чем-то противоположную, а в чем-то, наоборот, сходную. К примеру, Норман подчас откровенно вульгаризировала французскую музыку, привнося в нее толику гарлемского духа, и при этом демонстрировала весьма рафинированного Гершвина. Спиваков же, напротив, чувствовал себя во французской музыке в родной стихии, и даже до такой степени, что, уже исполняя "Американца в Париже", основной акцент вольно или невольно делал на "Париже", оттесняя "американца" на обочину. Если не знать, чья это музыка, вполне можно было бы приписать ее кому-нибудь из композиторов знаменитой французской "шестерки" – скажем, Пуленку или Мийо. Для Гершвина же требовалось несколько больше брутальности плюс абсолютная ритмическая раскре-

пощенность, или даже, выражаясь современным сленгом, "отвязность". Вероятно, впрочем, дело тут не только и не столько во французском крене спиваковской трактовки, но и в том, что его Национальному филармоническому оркестру еще только предстоит обрести необходимые для этого свободу и непринужденность совместного музицирования.

Тем не менее от концерта к концерту прогресс оркестра вполне нагляден. Так сыграть увертюру к "Кармен" и "Павану" Форе, да, кстати уж, и открывавший программу Полонез из "Евгения Онегина" Чайковского дано не каждому коллективу. Последний вроде бы совсем не вписывался в эту француско-американскую программу, но для жанра гала-концерта был, несомненно, подходящим зачином. К тому же, открывая им вечер, Спиваков наверняка имел в виду и реабилитацию медной группы за сентябрьский конфуз. Реабилитация, правда, уже фактически состоялась на открытии фестиваля, но любой эффект всегда не мешает закрепить, в том числе и в сознании слушателей.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Русская, 2003-14-17 Дек. - 2.9